

Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ.

И сколькихъ нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1889 года Его, Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ устраивалъ, для нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III-го спектакль въ Эрмитажномъ театрѣ. Ставилась третья часть трилогіи гр. А. Толстого „Царь Борисъ“. Въ качествѣ артистовъ выступали: Великій Князь Сергѣй Александровичъ, исполнявшій роль царевича Ѳедора, сына Годунова, Его Высочество Вел. Кн. Павелъ Александровичъ въ роли королевича Шведскаго Христіана, Его Высочество молодой принцъ Ольденбургскій, взявшій на себя скромную роль одного изъ турокъ свиты турецкаго посла, В. и М. Мятлевы, кн. Васильчикова, два Стаховича, гр. Воронцовы-Дашковы, кн. И. Мещерскій, много офицеровъ Преображенскаго полка, которымъ въ то время командовалъ Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ, нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ и гусарь, словомъ, высшее общество, среди котораго мелькали юныя лица воспитанниковъ морского кадетскаго корпуса, тоже привлеченныхъ Великимъ Княземъ къ участию въ спектаклѣ и насъ, ученицъ и учениковъ Спб. Императорскихъ драматическихъ курсовъ. Ставилъ спектакль нашъ учитель драматическаго искусства, Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Репетиціи длились цѣлый мѣсяць. Помню, какъ сейчасъ, то чувство особеннаго возбужденія и подъема нервъ, который испытывала почти каждая изъ насъ, когда наши театральныя кареты останавливались на набережной Невы у маленькаго подъѣзда, ведущаго въ театр Эрмитажа. Поднимаясь по широкой лѣстницѣ, мы предъявляли придворнымъ лакеямъ наши входные билеты и расходились по уборнымъ, а оттуда за кулисы, гдѣ въ ожиданіи выхода на

сцену весело болтали съ толпой военной молодежи, что, впрочемъ, было строго запрещено нашимъ режиссеромъ, при появленіи котораго мы, какъ стая испугнутыхъ птицъ, разбѣгались въ стороны.

Репетиціи, какъ я уже говорила, начались въ концѣ декабря и въ концѣ января закончились тремя спектаклями. Въ началѣ февраля всѣ участвующіе были сняты въ различныхъ группахъ. Какъ грустно было въ послѣдній разъ выходить изъ театра, зная, что никогда больше не повторится то счастливое, веселое время репетицій.

По роскоши костюмовъ и декораций спектакль въ Эрмитажѣ представлялъ что-то особенное, даже намъ, ученицамъ, исполнявшимъ почти безсловесныя роли монахинь, нищихъ и московскихъ людей, шились новые костюмы и обувь. Сцена приѣма Годуновымъ иностранныхъ пословъ, послѣ его торжественнаго коронованія, была обставлена съ большой роскошью и пышностью. Царскія палаты съ расписными потолками и стѣнами, пестрота одеждъ пословъ, царь Борисъ на тронѣ въ парадномъ царскомъ одѣяніи, его жена, дѣти въ атласныхъ расшитыхъ золотомъ нарядахъ, окруженныя рындами въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, группа боярышень, окружающая царевну Ксенію, пестрѣющая нѣжными красками сарафановъ.— все ласкало глазъ красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Представленіе царю Борису наждаго посла сопровождалось звуками бубенъ и литавровъ. Особенно типиченъ былъ турецкій посолъ въ лицѣ полковника К. Прежбяно, Левъ Сапѣга въ лицѣ И. Вельяшева ученика нашихъ курсовъ. Радостный звонъ колоколовъ, мастерски переданный, гудѣлъ, разливаясь по палатѣ, и вполне довершалъ картину торжественнаго дня. И рядомъ съ этой роскошью яркимъ ей контрастомъ являлась толпа народа и нищихъ, допущенныхъ предъ ясныя царскія очи, грязная, оборванная, съ шумомъ и причитываньемъ, врывающаяся въ царскія палаты. Народная сцена на Красной площади, за исключеніемъ кн. Гагарина, исполнявшаго роль боярина Шуйскаго, была обставлена ученицами и учениками драматическихъ курсовъ. Много труда стоила постановка этой сцены покойному Николаю Ѳедоровичу Сазонову, но за то и прошла хорошо. Не помню, кто игралъ боярина Клепнина, (часть хранящейся у меня афиши оторвана), кажется, Стаховичъ младшій, но его сцена съ царемъ Борисомъ глубокою ночью въ покояхъ царя производила сильное впечатлѣніе. Всѣ мы съ замираніемъ сердца прислушивались къ его глухому

сильному басу и заключительнымъ словамъ, обращеннымъ къ Борису: „Такъ умирай, какъ песнь“. Въ антрактѣ игралъ придворный струнный оркестръ.

На память объ этомъ спектаклѣ я храню афишу, изображающую свитокъ царской грамоты съ царской печатью. Когда порою случается мнѣ просматривать эту афишу, то какъ живые встаютъ предо мной всѣ участвующіе и грустно становится при мысли, что уже многихъ участниковъ взяла могила, и главный устроитель, которому многіе изъ насъ обязаны весело проведенными днями, погибъ ужасной смертью. Я такъ и вижу высокую фигуру Вел. Кн. Сергѣя Александровича въ нѣжно голубомъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бобровою опушкой, впереди которой горитъ и переливается чудный сапфиръ. Стоя за кулисами, Вел. Кн. часто разговаривалъ съ В. Мятлевой, исполнявшей роль царицы Марѣы или съ М. Мятлевой бывшей прелестной царевной Ксеніей. За полтора мѣсяца, проведенныхъ въ Эрмитажѣ въ репетиціяхъ, Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ показалъ себя радушнымъ и внимательнымъ хозяиномъ. По окончаніи спектаклей Его Высочество, собравъ насъ вокругъ себя въ фойѣ, очень любезно благодарилъ насъ за участіе, говоря, что народныя сцены прошли такъ удачно потому, что всѣ мы съ полной добросовѣстностью отнеслись къ своимъ незначительнымъ ролямъ.

Не помню, было ли это на генеральной репетиціи или уже на спектаклѣ, но дѣло вышло такъ: я стою у опущеннаго занавѣса и, приложивъ глазъ къ отверстию среди него, разсматриваю блестящее общество, собравшееся въ ожиданіи начала представленія, и стараюсь отыскать Его Величество Государя Императора Александра III-го. Передо мной амфитеатромъ возвышались мѣста для зрителей, занятые блестящей публикой, ярко освѣщенной электрическими люстрами. На красномъ бархатѣ обивки скамей красивыми группами выступали, роскошныя туалеты дамъ, блестящіе мундиры военныхъ, среди которыхъ видѣлись и фраки статскихъ. Въ зрительной залѣ стоялъ говоръ голосовъ, шелестъ шелковыхъ платьевъ, иногда раздавался легкій смѣхъ. Но глаза мои усердно искали высокую, полную фигуру Государя и увидѣли его посреди зрительнаго зала въ первомъ ряду въ широкомъ, нарочно для Его Величества, поставленномъ креслѣ. Величаво спокойное лицо Монарха было для меня всегда полно глубокой привлекательности. Я помню, съ какимъ восторгомъ, будучи еще дѣвочкой, смотрѣла я на Государя во время его посѣщенія театральнаго училища, когда мы, дѣти, окруживъ его тѣсной толпой, стара-

лись незамѣтно поцѣловать полу его военного сюртука. Какъ просили мы дать намъ поцѣловать его руку, но Государь всегда неизмѣнно отклонялъ это наше желаніе. Сдѣлавшись взрослой, я все-таки всегда съ какимъ-то сладкимъ умиленнымъ чувствомъ смотрѣла на Царя Миротворца. Стоя передъ занавѣсомъ, я бывала счастлива, если удавалось услышать его громкій спокойный голосъ, разобрать произнесенныя имъ слова. Въ то время, какъ я, вся поглощенная представлявшеюся мнѣ интересной картиной, не въ силахъ была отъ нея оторваться, чей-то голосъ за моей спиной не громко произнесъ:

— „Позвольте мнѣ посмотреть“.

Не оборачиваясь, я нетерпѣливо отвѣтила:

— „Сейчасъ, подождите“, все не отрывая глазъ отъ занавѣса. Снова мнѣ говорятъ:

— „Я васъ прошу, дайте мнѣ посмотреть“.

— „Сейчасъ, сейчасъ“.

Тогда чья-то рука опускается на мое плечо, и тотъ же голосъ, но громче и настойчивѣе произноситъ:

— „Я васъ очень прошу уступить мнѣ мѣсто“.

Я быстро оборачиваюсь и къ моему великому смущенію и страху очутилась лицомъ къ лицу съ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ. Бормоча: „Ради Бога, Ваше Высочество, извините меня“, я просто не знала, что дѣлать.

Видя мое замѣшательство, Великій Князь ласково сказалъ:

— „Ничего, ничего“ и не обращая на меня больше вниманія, повидимому, не желая усиливать мое смущеніе, подошелъ къ оставленному мною мѣсту у занавѣса.

Скоро послѣ этого спектакля я уѣхала изъ Петербурга, и только въ 1908-мъ году мнѣ снова пришлось увидѣть Его Высочество въ Москвѣ, когда Великій Князь вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II-мъ посетилъ I-й Московскій кадетскій корпусъ. Я была поражена происшедшей съ нимъ за эти годы перемѣной,—такъ поухдѣлъ и постарѣлъ Великій Князь.

Прошло еще два года, и вѣсть объ ужасной кончинѣ Великаго Князя пронеслась по всей Россіи. До сихъ поръ живо въ душѣ моей воспоминаніе о времени, проведенномъ въ Эрмитажѣ, сердце полно лучшихъ чувствъ къ мученически скончавшемуся Великому Князю, и я горячо молюсь за упокоеніе души его и дарованіе ему полного блаженства у Престола Всевышняго.

В. Дюметти.